



РОЗЫ БЕЗ ЗАПАХА

1.

В самолёте было душно. Олег прислонился лбом к прохладному иллюминатору и вяло наблюдал, как на погрузившемся в вечернюю темноту лётном поле суетились люди в салатových жилетах, надетых на тёплые куртки. На их лицах отражались блики от огоньков аэропорта, маячков самолёта, трапа.

«А он этого больше никогда не увидит», — как-то безучастно всплыла мысль.

Вчера Олег похоронил отца. Уже десять лет он жил и работал далеко от родного города, в областном миллионнике. С родителями виделся наездами — три-четыре раза в год, да всегда второпях. Отец всегда казался ему бодрым, энергичным человеком, который продолжал работать на местном крупном заводе инженером, хотя уже пять лет мог бы спокойно рыбачить и заниматься огородом, выйдя на пенсию. Сердечный приступ случился с ним вечером после смены. Мама всё повторяла тихим голосом каждому, кто пришёл на похороны: «Сели мы ужинать, а он мне и говорит: „Оленька, что-то мне нехорошо, вдохнуть никак не могу“, а с самого пот градом льётся. Я побежала „скорую“ вызывать. Ждали-то мы её всего минут десять, да не дождалась, ушёл Паша от нас». И замолкала, как будто у неё кончались все слова. Мать не плакала, только вся посерела, на автомате здоровалась, созванивалась с похоронным бюро, расплачивалась с катафалком и работниками кладбища, которые копали могилу.

Когда Олег вошёл в квартиру, там уже толпились люди, были слышны причитания, шуршание ног. Он не успел вырваться с работы раньше, чтобы застать маму одну и без посторонних подойти к гробу. Зайдя в дверь, которая в этот день не закрывалась, он, протолкнувшись на кухню, обнял мать и осознал, какая она маленькая. Именно это обстоятельство вызвало у него спазм, который не отпускал и мешал Олегу ясно видеть происходящее вокруг. В гробу лежал как будто совсем не отец, а какая-то кукла, даже отдалённо не напоминавшая человека, которого он так любил. «А где баять?» — мелькнул в голове странный вопрос. Казалось, что отца просто нет дома. Но вдруг стало страшно, что и мама внезапно возьмёт и исчезнет навсегда, а вместо неё останется кукла.

Только в самолёте на Олега навалилась тоска по отцу. Она хмуρο легла на постоянный упрёк жены: «Вечно ты, как дядя Паша!». Почему-то за восемь лет брака Оксана так и не научилась называть свёкра «папа». Только сейчас Олег осознал, что это стало первым кирпичом в разладе отношений, которые сейчас стремительно неслись к разводу.

— Молодой человек, пристегните ремень, пожалуйста. — Стюардесса натруженно улыбалась.

— Да, да, конечно. — Он смущённо глянул в её густо накрашенные глаза.

Это вернуло Олега к реальности, которая была такова: с женой они не разговаривали уже второй месяц, семилетняя дочь, боясь обидеть маму, подходила к нему редко. Зато на другом конце города его каждый вечер ждала Вика-Викюля, от одного взгляда на которую у него сжималось сердце. «Что бы сказал на это батя? Была ли у него такая Вика? Теперь я не узнаю об этом никогда», — подумал он, когда двигатель самолёта заревел уже во всю мощь, готовясь оторвать аэробус от земли.

Павел Николаевич был уважаемым человеком, на заводе его знали все. Кто-то боялся за слишком прямолинейный нрав, кто-то обожал за справедливость. А вот дома, со своей Оленькой, он был очень нежным. Она бы сильно удивилась, если бы услышала, как он распекает бригадира за невыполненный план, используя только пять всем известных слов. На матерном наречии Павел Николаевич умел строить невообразимые конструкции. Олег никогда не слышал дома брани, если родители вздорили, сын улавливал это только благодаря особому электрическому разряду, разливавшемуся по квартире, от которого гудел воздух. При этом взрослые продолжали общаться, правда, не так искренне, как они делали это обычно.

«Не было у отца никакой такой Вики, это точно», — продолжал гонять одну и ту же мысль Олег, когда вышел из здания аэропорта и направился к своей машине, которую оставил на платной стоянке.

Стояла дождливая осенняя ночь, он быстрым шагом, ёжась под моросью, дошёл до автомобиля. Сел за руль, но всё никак не мог повернуть ключ зажигания: не знал, куда ехать: домой или к Вике. Хотелось поддержки, ласкового слова.

«От Оксаны не дождёшься, её ничем не пронять. Так и будет дуться, как мышь на крупу. Папу она не любила», — размышлял он, держась за руль. «А Вике зачем мои страдания? Что я ей скажу, когда припрусь среди ночи? У меня умер батя, пожалей меня? Так не пойдёт».

И вдруг слезы, которые так и не появились на глазах во время похорон, хлынули потоком. Олег плакал, как в детстве, навзрыд, вытирая тыльной стороной ладони мокрый нос. Ему было жалко себя и горько оттого, что больше нет отца, и некому пожаловаться, что вот остался, как беспризорный пёс, под осенним ночным дождём.

Прошло минут десять. Олег взял себя в руки, нашарил в бардачке салфетки, высморкался. Он никогда не курил, но вдруг почувствовал, что именно сигарета поможет ему взять себя в руки, повернуть ключ зажигания и наконец решить, что делать.

На выезде из аэропорта он остановился у киоска, купил сигареты, зажигалку и энергетик, хотя спать и без того не хотелось.

— Вы в город? — К машине подошёл молодой парень в очках, с небольшим кейсом в руке, он наклонился в приоткрытое окно. — Может, подбросите? Мы вместе в самолёте летели. Я тут в командировке, совсем не знаю города.

— Садись, — коротко ответил Олег. — Ты в какой гостинице номер бронировал?

— «Волга».

— Знаю такую. Поехали, довезу. — Олег отнёсся к попутчику, как к спасителю. Ему не хотелось оставаться одному. — Куришь? — спросил он и начал распечатывать пачку.

— Пытаюсь бросить.

— Я буду курить, — с каким-то вызовом произнёс Олег, как будто доказывал старшечекласснику, что он тоже взрослый, хотя парень был лет на десять его младше.

— Кирилл, — представился попутчик и протянул руку через рычаг коробки передач, когда забрался в машину.

— Олег, — ответил Олег, быстро прикурил от зажигалки, положил её на панель и протянул освободившуюся руку.

Сигарета успокоила. Шоссе под фарами автомобиля разворачивалось, как серая ковровая дорожка, за окном мелькали тёмные силуэты деревьев.

— Тут у нас от аэропорта до города ехать всего минут сорок, — начал разговор Олег и ещё раз затынулся.

— А... — Парень сначала заинтересованно глядел в окно, а потом посмотрел в глаза водителя. — Что случилось-то? Почему закурил?

— Еду с похорон, отец умер, — кратко ответил он.

— Сочувствую, — сник попутчик. — А я вот к вам еду в командировку, пригласили как архитектора помочь на объекте. Начали стройку, да что-то пошло не так.

— А что строят?

— Театр.

— У нас тут с ним долгая история была, 20 лет всё никак не могли закончить. Как в советское время фундамент залили, так всё и встало, теперь на нём уже берёзы растут, — начал отвлекать себя от проблем Олег. — А хочешь, заедем, посмотрим на него сейчас?

— Темно же, — с сомнением в голосе протянул Кирилл.

— А я не тороплюсь.

— Давай заедем.

— Выпить есть?

— Я с собой не вожу, — развёл руками архитектор, — а после десяти вечера не продают.

— Я знаю, где найти...

Через полчаса Олег и Кирилл оказались на заброшенной стройке. В темноте было видно, что кое-какие работы ведутся — стояла техника, но из фундамента росли кусты. Присели: два мужских силуэта, наохлившися под дождём друг против друга на бетонном блоке, а между ними — бутылка.

— Вот не знаю, куда мне идти, — закончил свою историю Олег. — Думал, водка поможет, только хуже стало.

— Если ты пьяный к жене приедешь, ничего хорошего не будет, — вяло поддержал Кирилл. — Если собрался свою Вику бросать и семейную жизнь налаживать, тоже пьяным нельзя. — Такая длинная тирада вытянула все силы из подвыпившего архитектора, и он бессильно опустил голову.

— Поеду к Вике, она поймёт.

— Сколько лет-то твоей Вике? Если молодая, то вряд ли пожалует, а с женой есть повод помириться.

— Вика молодая, ты прав. Мне 37, ей 23. Жене 35. Не знаю, простит ли Оксана, это ведь всё из-за Вики и произошло. А отца она никогда не любила...

— Железная она у тебя баба.

— Не любила она никогда никого: ни меня, ни моих родителей, а замуж вышла, потому что пора настала. Короче, я к Вике.

— За руль-то пьяный не садись, такси давай вызовем. Я в гостиницу, ну а ты — куда скажешь.

— Нет, поеду на своей, а ты себе такси вызывай.

2.

Даже тогда, когда Олег сообщил Оксане о том, что умер свёкор и нужно ехать на похороны, она не нарушила своего обета молчания. Оскорблённая изменой мужа, жена принципиально не проронила ни слова.

— Мама велела тебе передать, что она с тобой не поедет, её с работы не отпускают. — Дочка тронула его за колено и присела рядом на диван. — Папа, а зачем ты к бабушке с дедом собрался, что там случилось?

— Малыш, — серьёзно проговорил Олег и положил большую ладонь на её белокурую голову, — наш дедушка умер, у него болело сердце.

— Значит, мы больше не поедим к нему на дачу летом?

— Почему, поедим, конечно, бабушка-то у нас остаётся.

— А мама говорит, что бабушка больше не позовёт нас. — Дочка подняла на него большие глаза. — Говорит, что нечего нам там делать.

— А как же Аркан, твой любимый пёс? Он ждёт тебя на даче, хочет с тобой играть. К бабушке мы точно будем ездить, я тебе обещаю. — В душе Олега закипала злость на жену.

— Иди-ка к себе в комнату. — Он легонько подтолкнул её в спину, а сам направился на кухню, где демонстративно гремела посудой жена.

— Значит, так. — От гнева голос Олега звенел. — Я уезжаю на похороны, через три дня вернусь и подаю на развод. Дочь ты ни у меня, ни у моих родителей не отнимешь, у неё есть отец, бабушка и... был дедушка.

Оксана даже не повернулась к нему, продолжая раскладывать чашки и блюда в сушилку для посуды. Он смотрел на слегка оплывшую фигуру жены: она не была толстой, но талия куда-то пропала... Его передёрнуло.

— Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому — суд решит, с кем ей быть. Ты сама, своими руками рушишь семью. Ещё неделю назад я чувствовал себя виноватым, а теперь понял, что нам с тобой точно не по пути, я не люблю тебя и, очевидно, никогда не любил. — Он кинул эти слова в ненавистную спину.

«Сколько раз намекал — следи за собой!» Олег не мог отделаться от брезгливого чувства, которое вызывала у него жена. Он собрал сумку, потом зашёл к дочке, чмокнул её в макушку:

— Проводи меня, доча, я к бабушке поехал.

— Пока, папа! — Она посмотрела на него снизу вверх и побежала к Оксане на кухню.

Олег с тяжёлым сердцем вышел за дверь. Ему предстоял скорбный путь на похороны и обратно, так он думал в тот момент. Но оказалось, что дорога получилась гораздо длиннее...

С горем попола Олег всё же решил отправиться к Вике. В тёплой машине после выпитой водки его развезло. Кирилл попросил подождать, пока не подъедет его такси.

— Брат, ну не надо никуда ехать, — качая головой, в последний раз проговорил попутчик, вылезая из машины и пересаживаясь в такси.

— Бывай, архитектор, — заплетающимся языком выдавил Олег.

Когда дверца за Кириллом захлопнулась, Олег повернул ключ зажигания, попытался тронуться, но машина начала резко дёргаться и не сдвинулась с места.

Олег бессильно опустил руки на руль и заснул. Разлепил веки только тогда, когда забрезжил рассвет.

На душе было погано как никогда. Алкоголь, сигареты, случайный попутчик не сделали легче его выбор. Куда ему податься? Как дальше жить? Где его место?

На работу, а он владел автомастерской, ехать не хотелось. В ремонте было несколько машин, мастера справятся и без него, крупного заказа не предвиделось.

Помятым и несвежим заявляться к молодой любовнице он тоже не желал. Дома Оксана его не ждала.

«Ждёт, как же! Будет в молчанку играть. Чёрствая дура! У человека отец умер, а она ему интрижку простить не может». — Олег с силой ударил по рулю, ему хотелось что-то сделать, выплеснуть злость, горе, бессилие.

— Дура! — вслух крикнул он. Сейчас ему казалось, что смерть отца и крах в семье были как-то связаны, что в этом виновата его упрямая и гордая жена, от которой почти никогда не услышишь ласкового слова.

«Эх, сынок! Оксанка твоя — баба хорошая, но эти её поджатые губы меня убивают. Как ты живёшь с такой занозой?» — прозвучал в голове Олега голос отца.

— Так и живу, — вслух ответил он и поехал домой.

В десять утра там никого не было: дочка в школе, Оксана на работе. Скинув куртку и разувшись, Олег открыл холодильник. Выудив оттуда кусок курицы и жуя на ходу, другой рукой он взял бутылку молока. Не присаживаясь, доел курицу, запивая из горлышка. Потом отправился в ванную принять душ, освежиться, позвонить Вике и заглянуть на работу.

— Это ещё что такое?! — продолжая разговаривать вслух с самими собой, Олег устался на стакан с зубными щётками. Там их было всего две — одна красная и другая маленькая. Его щётка отсутствовала. Вспомнив, что сам первым крикнул жене перед отъездом про развод, всё-таки взбесился, что она убрала его щётку.

«Войны хочешь? Будет тебе война!» Он залез под душ и энергично стал тереть себя мочалкой.

В спальне, прямо на кровати, стояло два больших пакета, в которые были собраны его вещи. Он выкопал из них свежую пару белья, джемпер и оделся, а затем вытряхнул из пакетов всё на кровать. Среди вещей нашлась и щётка, которую он демонстративно поставил обратно в стакан. Сердце у Олега колотилось от обиды и злости. Он не хотел уходить так, будто его выгнали.

У Олега скопилось много мелких и больших обид, которые со временем сложились в стену отчуждения. На самым главным было то, что она как-то пренебрежительно-снижительно относилась к его родителям, к его семье и детству, укладу и обычаям, завещанным в доме у свекрови, его матери.

Олег как-то сразу забыл, что толчком к тому обстоятельству, что его зубная щётка пропала из стакана, стало то, что он завёл любовницу. Он чувствовал себя оскорблённым: именно в тот момент, когда умер отец, жена в очередной раз показала все своё отношение к его семье и к нему лично.

3.

На Вике была только его белая рубашка, больше ничего. В таком виде она открыла ему дверь: худенькая, небольшого роста, каштановые волосы сбились копной на голове. Рубашка доходила ей почти до колен.

— Привет, я тут решила вздремнуть. — Она зевнула и прошлёпала босыми ногами в комнату.

— На дворе уже почти вечер, пятый час. Ну, ты даёшь. — Сейчас Олега раздражала её лень, хотя ещё месяц назад он бы тут же полез обниматься.

— Не будь занудой. — Голос Вики казался глухим, потому что она опять залезла под одеяло.

— Кофе есть? — из кухни спросил Олег. — Охота что-нибудь пожевать.

— Всё, что найдёшь, твоё. Сегодня с утра были булка и сыр, ещё варенье осталось, вроде больше ничего. — Вика продолжала вещать из-под одеяла.

Он вошёл в комнату и присел на кровати, потом прилёг прямо в джинсах и джемпере, уткнувшись носом в волосы у неё на затылке.

- Вика, у меня папа умер, — тихо сказал он. — Я только утром вернулся с похорон. Она повернулась к нему лицом:
- Ужас какой! Сколько ему было лет?
- Шестьдесят пять.
- А, совсем старик... ну хоть пожил человек. — Она погладила его по курчавым волосам.

Он не шелохнулся, хотелось сказать: «Эх ты, молоденькая дурочка! Да в шестьдесят пять лет мужик ещё горы свернуть может! Какой старик!».

Только Олег промолчал, ему было больно не потому, что его отца называли стариком, а потому, что он понял, какая пропасть между ним и Викторией, — это не 14 лет, это целое поколение.

Внешне ничего не изменилось, он продолжал молча лежать рядом с ней, прошло ещё минут пять.

- Ты чего такой скучный? — не выдержала Вика и надула губы.

Он вздохнул. Какой толк говорить вчерашней студентке, что такое похороны отца, она всё равно не поймёт.

- Устал. Знаешь, пойду я, наверное.

- Зря разбудил только. Чего вообще приходил, если полчаса посидел и убегаешь?

— Не обижайся, что-то настроения нет. — Он встал с кровати, пытаясь скрыть раздражение. «Ничего, может, работу попытаешься поискать», — со злобой подумал он.

— Зай, ну это печально, конечно, отец и всё такое. Но ты же живой! Тебе жить дальше, идти вперёд, не будешь же ты вечно ходить как в воду опущенный. Или ты к своей жене торопишься, чтобы она тебя пожалела?

- Не язви, без того тошно. Я тебе на кухне немного денег оставил, сходи хоть в магазин, купи поесть что-нибудь.

— Говорю же, что ты зануда. — Она уже не лежала, а сидела на кровати. Рубашка распахнулась на груди и из-под неё кокетливо виднелась небольшая, но крепкая грудь.

Олега это взбесило, ему казалось, что сейчас, когда не стало бати, любой намёк на секс оскорбителен.

- Прикройся! — Он раздражённо накинул на неё одеяло.

— А раньше это тебе нравилось. Знаешь, мне тут девчонки позвонили, зовут в кино, я, наверное, схожу.

Она никогда у него никуда не отпрашивалась, гуляла сама по себе, но сейчас ей захотелось немного потрепать ему нервы.

- Делай что хочешь, — устало проговорил он, уже стоя в коридоре.

И опять перед Олегом встал вопрос: как дальше жить? Он совсем запутался.

Нужно было собрать волю в кулак и ехать домой, ночевать-то где-то нужно было. А ещё следовало обдумать условия развода.

Трёхкомнатная квартира была у них с Оксаной в собственности: часть денег скопилась благодаря его небольшому бизнесу, часть дали родители Оксаны, продав в деревне дом, оставшийся от бабушки. Просто так подхватить два пакета с вещами и удалиться он не мог, в эту квартиру было вложено семь лет его труда, когда он не вылезал из мастерской месяцами.

Нужно было решать квартирный вопрос. Пока ехал, в голове созрел план: продать трёшку, купить двушку для жены и дочки, а разницу в цене забрать себе, как первоначальный взнос на ипотеку.

- Придётся залезать в долги, — устало думал он, заруливая во двор.

Уже подходя к квартире, Олег почувал неладное. За дверью было слишком шумно, слышались чужие голоса.

С холодком под ложечкой он позвонил в дверь. Ему открыла тёща с совершенно бледным лицом, за её спиной маячила его дочка Танюшка, она держалась за бабушку, как за спасательный круг.

— Что стряслось? — вмиг осипшим голосом проговорил Олег.

Вместо ответа тёща махнула рукой в сторону спальни. На их супружеской кровати лежало тело, полностью накрытое простыней. Рядом на тумбочке валялось несколько пустых коробок из-под таблеток. В комнате стоял неприятный запах. Прямо на кровати сидел отец Оксаны, бессильно уронив руки.

— Таблеток наглоталась, нам Танюша вся перепуганная позвонила, сказала, что маму разбудить не может, мы приехали, Оксана уже не дышала. Ждём полицию, — тускло сказал он. И в дверь тут же позвонили.

На пороге стояло несколько сотрудников в погонах. Олег проводил их в комнату. «Опять смерть! Она преследует меня», — неприятная мысль кольнула так, что он крепче сжал плечо дочери, которая теперь жалась к нему. Он передал Танюшу тёще, а сам пошёл за полицейскими в комнату, где они уже вели опрос тещы, фотографировали место происшествия. С Оксаны безжалостно сдёрнули простыню, которой её прикрыла мать, и Олег увидел то, что уже наблюдал пару дней назад в доме родителей — куклу, которая даже отдалённо не напоминала ему близкого человека. На кровати лежал манекен. Плотно сжатые губы Оксаны, с которых в этот месяц не слетело ни слова, были укором Олегу, который он чувствовал физически. Это было ужасно.

Прошло несколько часов. Пришли и ушли полицейские, приехала служба, которая забрала тело в морг. Несколько раз заглядывали соседи. Ближе к ночи квартира была просто растерзана, она превратилась в такой же безжизненный манекен, как и её хозяйка. Под ярким электрическим светом, который горел во всех комнатах, на кухне и в коридоре, словно заострились все углы. Дух женщины, покинувший домашний очаг, превратил квартиру в нежилую жилплощадь.

— Папа, мне страшно, — тихо сказала Танюша. Теперь она говорила только шёпотом, ей было физически больно повысить голос до нормального уровня.

— Бельчонок, хочешь пойти ночевать к бабушке с дедушкой?

— А ты?

— Я останусь здесь.

— А если я пойду, ты не обидишься?

— Нет, конечно. Утром мы увидимся. Я заеду, завезу тебя в школу.

— Тогда я пойду ночевать к бабе. — Девочка с младенчества называла мать Оксаны «баба» или «баба Анюта», хотя она была совсем нестарая крепкая женщина 55 лет.

— Анна Игнатьевна, Таню сегодня к себе возьмёте ночевать? — обратился Игорь к тёще, когда она, как тень, показалась в проёме двери кухни.

— Да, конечно. Собирайся, Танюша.

— Завтра я все узнаю о похоронах и всех формальностях. — Олег проговорил это ровным твёрдым голосом. — Вы ни о чем не волнуйтесь, я все устрою, только за Таней приглядывайте.

— Как же так? Как же так? — будто не слушая его, начала причитать Анна Игнатьевна. — Почему? Ну почему? Что случилось? Что у вас было? Олег, ну как же так?

Её вопросы начали перерастать в скороговорку.

— Анюта, возьми себя в руки, ради Танюши возьми. — Тесть подошёл к жене и крепко её обнял, прижимая лицо женщины к своей груди и стараясь заглушить её скробные стоны.

— Не бойся, малыш! Иди собери портфель и возьми с собой форму, — попросил Олег дочь. — Пойдём, я тебе помогу.

Он посадил ребёнка, тещу и тестя в машину и повёз их прочь от разорённого гнезда.

Олег понял, что Оксана молчала не только с ним. Её родители тоже были не в курсе их семейной драмы, которая практически переросла в развод.

— Как это на неё похоже! — размышлял он, оставшись один на один с собственными мыслями, когда сел в машину. Танюшу Олег уже оставил у бабушки, следовало возвращаться в разорённый дом.

«Что же ты наделала? Что хотела доказать и кому? Наказала ведь только себя да Танюшку. Как ты могла не подумать о ребёнке?» — эти вопросы сыпались в его голове, как горох. Оксана всегда была скрытным и неконтактным человеком. Если бы она могла услышать его стенания, она бы не ответила на них: во-первых, из принципа, во-вторых, она не умела объясняться, высказывать свои обиды или, наоборот, радости. Когда-то очень давно, когда их отношения только начинались, будущая жена поделилась с Олегом:

— Все это пустая болтовня: люблю, жить без тебя не могу. Надо смотреть на дела человека, что он делает для любимого, а не что ему говорит.

Тогда ему показалось, что она — по-настоящему благородный и глубокий человек, в тот миг Оксана стала для него эталоном настоящей женщины, поэтому ему захотелось создать с ней семью. Но по иронии судьбы именно эта её способность молчать, соблюдать гробовую тишину, когда другой бы орал, и стала ржавчиной, которая начала разъедать их отношения. Олег не чувствовал её теплоты, поступков ему было мало, он хотел ласки, женской мягкости. Оксана этого просто не умела.

Уже на четвёртый год их супружеской жизни он в первый раз изменил ей, причём с женщиной, которая была гораздо старше. Она заехала починить машину, на прощание, когда работа была готова, его будущая любовница просто из благодарности легко поглаживая, провела ему по спине, а потом заглянула в глаза и так искренне сказала спасибо, так нежно тронула его за локоть.

Конечно, долго эти отношения не продлились, ей они были не особо нужны, она не цеплялась за Олега, а ему было стыдно перед женой. Он усилием воли заставил себя прекратить ездить на другой конец города, чтобы получать свою порцию женской теплоты.

Но однажды поддавшись соблазну, он уже не мог прекратить. Отныне его жизнь состояла из череды срывов и раскаяний, он был словно на качелях, которые сначала возносили его на вершины любовной лихорадки, а потом опускали в самые тёмные глубины стыда и раскаяния перед семьёй и женой. В отношениях с Викой, похоже, его качели уже подходили к стадии угрызений совести. Решение жены уйти из жизни сделало эту яму для него просто бездонной.

Было уже два часа ночи, когда Олег, вернувшись, подъехал к своему подъезду. Во всех окнах квартиры горел свет, когда уходили, никто его не выключил, было не до этого, да и как-то страшно.

Самым первым делом он прошёлся по дому и выключил везде электричество, оставив горящим небольшой светильник на кухне. Потом с каким-то холодком под ложечкой зашёл в спальню, сгрёб с кровати постельное бельё, одеяло, подушку, завязал все это в тугий узел и вынес его к мусорным бакам во дворе.

Когда возвращался обратно, а было уже около трёх утра, от дерева у соседнего подъезда отделилась тёмная мужская фигура. Олегу стало не по себе, чем-то потусторонним веяло от человека, который зачем-то подпирает ночью дерево.

— Привет, сосед. Что-то мне не спится, вот курю. — Это был Борисыч, жилец из второго подъезда. Он жил бобылём уже не один десяток лет, куда делись его жена и дети, никто не знал.

Олег облегчённо выдохнул.

— Ну, ты меня напугал, Борисыч. — Он остановился, не хотелось возвращаться в квартиру.

— Чего это у тебя сегодня полиция была? — без задней мысли поинтересовался сосед.

— Да так. — Олег помолчал, раздумывая, говорить ему или нет о трагедии, потом все же решился. — Жена у меня умерла.

— Как умерла? Она же молодая совсем была! Ой-ой, теперь Танюшка-то без матери осталась, — как-то по-бабски запричитал Борисыч.

— Да, вот так.

— Чего случилось-то? Болела, видать?

— Болела.

— Надо же, мы тут и не заметили. Такая бодрая была, на работу каждый день, с работы с пакетами из магазина.

— Внезапная смерть, тромб оторвался. Потому и полиция приехала. — Эта ложь родилась мгновенно. Олегу не хотелось, чтобы весь двор был в курсе настоящих событий. Таковую же версию он решил выдать и дочке — у мамы оторвался тромб и закупорил артерию у сердца, вокруг неё было много таблеток, потому что она попыталась облегчить своё состояние.

Когда Олег поднялся в квартиру, эта только что рождённая версия смерти жены стала и для него основной, разум отказывался принять то, что она свела счёты с жизнью из-за него. Отныне он всегда будет говорить, что у Оксаны были проблемы со здоровьем, потом точно так же стали поступать и её родители.

5.

На следующий день, прежде чем полностью уйти в организацию похорон, он решил связаться с Викой. Ещё лёжа на диване в зале — в спальне он ночевать не решился, — Олег схватился за телефон. Он вознамерился порвать с Викторией, почему-то воспринимая молодую любовницу как самую главную причину трагедии в семье. Ему казалось, что так он очистится и будет хоронить жену с незапятнанной совестью. Решив идти по пути наименьшего сопротивления, Олег написал ей СМС: «Вика, у меня умерла жена. Мы больше не сможем видеться». Довольный собой, он нажал кнопку «отправить». Ему даже в голову не пришло, что именно эти слова молодая женщина воспримет как зелёный свет их отношениям: у Олега не стало жены, теперь можно крутить любовь, ни от кого не скрываясь. Мысли занять её место у молоденькой Вики не возникло. Ей было и так хорошо: Олег её обеспечивал, особо не допекал, зачем ей брать на себя груз в виде семьи, она не представляла.

Поэтому телефон Олега запищал в ответ почти сразу же: «Ужас какой! Ты там держись, через неделю увидимся» и грустная рожица.

— Чёрт! — выругался Олег и отбросил телефон, который затерялся в одеяле. Нужно было вставать и начинать скорбный день. Он даже не представлял, что сначала придётся решать вопросы с полицией, ведь внезапная смерть молодой здоровой женщины вызывает подозрения, и только потом можно будет по-человечески проститься с Оксаной.

Организация похорон помогла ему не думать. Он на автомате выполнял всё, что от него требовалось: ездил на кладбище договариваться о месте, заказывал кафе для поминок. Самым трудным оказалось совершить обряды, которые предписывает церковь, ведь Оксана была самоубийцей. Сказать в храме неправду про оторвавшийся тромб, которую он выдумал для всех, Олег не посмел, хотя набожным никогда не был. Эту миссию на себя хотела взять тёща, но она была настолько убита горем, что с того самого дня не могла произнести ни слова, чтобы не расплакаться. Толку от неё не было. Ещё как-то она могла держаться при внучке, отвлекалась на неё, чувствовала себя рядом с ней более сильной.

— Есть такие самоубийцы, за которых можно молиться, например, в душевном расстройстве такое совершившие. Но если это было сделано в здравом рассудке, со злобой на Творца, тогда церковь не может за неё просить у Бога, — сказал батюшка Олегу — всё-таки этим делом пришлось заниматься именно ему.

«Если бы я знал, что было в душе у Оксаны, когда она это совершала! Ведь даже записки не оставила. Ушла молча, точно так же, как и жила», — подумал он, а вслух сказал:

— Я не знаю. Думаю, она была в сильном душевном расстройстве. Моя жена никогда не обсуждала ни с кем своего состояния.

— Обрядов в храме мы производить всё же не будем. Вы можете прийти потом и поставить за неё свечку, — сжалился над Олегом священник.

Молодой мужчина посчитал, что этого будет достаточно, но Анне Игнатьевне все же сказал, что все положенные службы в церкви он заказал, их проведут.

Только спустя три дня семья немного оглянулась: позади были похороны, теперь каждый из них должен был переболеть случившимся, взять себя в руки и как-то дальше строить свою жизнь.

Вечером на кухне у тёщи, когда Олег приехал наконец забрать дочку домой, Анна Игнатьевна, наливая ему суп, спросила:

— Олег, скажи наконец: почему Оксана так поступила? Что у вас произошло? Мне она никогда ничего не рассказывала, закрылась, как ракушка, ещё лет в четырнадцать.

— Не было ничего такого, чего не бывает в других семьях. В последнее время мы были в ссоре, долго не разговаривали. Когда сообщили о смерти отца, думал, что это поможет нам помириться. Но она продолжала молчать. Это меня вывело из себя, сказал, что тогда нам надо разводиться. А спустя сутки все случилось. — Он не мог начать есть, тарелка так и стояла на столе нетронутой.

Мать Оксаны молчала. Слез у неё уже не осталось.

— Почему вы были в ссоре? — задала она вопрос, ответ на который так не хотел давать зять.

Олег молчал, на всю кухню тихо урчал холодильник.

Как он мог объяснить в трёх словах, что Оксана перестала быть для него источником тепла и света? Как сказать матери, что её мёртвая дочь даже спустя восемь лет брака так и не впустила его к себе, не открыла ему дверь, которую люди называют душа? А выраженная словами их семейная реальность прозвучала банально и пошло:

— Я ей изменил, она узнала.

Тёплый жёлтый свет, который лился из-под абажура, как будто стал бледнее, холодильник перестал урчать, а суп, так и стоявший нетронутым на столе, словно от испуга покрылся жирной плёнкой.

Анна Игнатьевна судорожно обхватила себя руками.

— Это ты во всём виноват. — Голос тёщи показался бесцветным.

Олег молчал, понимая, что любые слова сейчас будут восприняты тёщей, как оскорбление.

— Как ты можешь после этого приходить ко мне в дом, есть, разговаривать?! Ты убил мою дочь... — она мелко затряслась, опёрлась о стол, неловко задела чашку и та вдребезги разбилась.

На шум прибежал тесть.

— Аня, успокойся. — Он уже привычным движением взял в охапку жену и увёл её в спальню.

— Олег, ты уж тут сам похозяйничай, Танюшку забирай, ей завтра в школу. Не выдерживает Анята этого всего... — сказал он, когда вернулся из спальни, и квартиру залил запах корвалола.

В этот момент зять собирал осколки с пола.

— Папа, вы простите меня, но я не виноват, — глухо говорил Олег, глядя в пол.

— Конечно, не виноват. Сейчас Аня в таком состоянии, что ей нужен доктор. — Тесть явно не понимал, что конкретно так расстроило жену.

— Вы не поняли. Я про Оксану. Я не виноват, так не бывает, что виноват только один человек, это неправильно. Тут никто не может быть виноват. — Вот-вот Олегу и самому нужно было бы капать корвалол.

— Ты о чём? — Тесть стоял в дверях кухни.

— О том, что мы с Оксаной не разговаривали уже месяц, были в ссоре, но я и предположить не мог, что всё так закончится. Ведь все ссорятся, у всех бывает. Вот вы что: не изменяли ни разу? — Этот вопрос Олег задал с каким-то вызовом.

— Знаешь, не здесь и не сейчас нам нужно обсуждать эту тему. — Тесть прикрыл глаза. — Давай Танюшку забирай, не дай бог, ребёнок услышит эти разборки. Ты хороший отец, а это сейчас главное. Нужно ребёнку помочь, ну а мы, взрослые, как-нибудь разберёмся.

Олег кое-как уложил Таню спать, она отказывалась идти к себе в комнату, все жалась к нему на диване в гостиной и твердила, чтобы он не выключал телевизор: «Это же очень интересно, почему бутылка с колкой взрывается, если туда кинуть конфетки ментос», — говорила она, изображая любознательность, но глаза девочки выдавали другое — тоску и страх. Он пошёл с ней в спальню, снял с полки какую-то книжку, открыл на первой странице и начал читать:

— Жил-был крестьянин, у него была добрая дочь Марица. После смерти жены он решил жениться во второй раз. Мачеха оказалась вздорной женщиной, она сразу невзлюбила Марицу. — Олег не сразу сообразил, что сказка совсем не подходящая. Тут же как назло у него запищал телефон. Глянув на экран, он увидел сообщение: «Скучаю по тебе, жду, хочу! Приезжай!» Не успев стереть с лица досаду, он глянул на дочку. Девочка лежала на спине, из глаз у неё катились тихие слезы. Она их не вытирала, поэтому на висках образовались мокрые дорожки:

— Папа, не надо сказку про Марицу. Папа, не надо мачеху! — выкрикнула она и отвернулась к стене.

— Ну что ты, какая мачеха! Никаких злых мачех! — Он начал гладить Таню по волосам. Постепенно она расслабилась, её спина перестала вздрагивать от плача, она повернулась к нему и тихо сказала:

— Иди, я уже большая. Только маленький свет не выключай.

— Вот и славно, — ответил Олег и встал. Только сейчас, в комнате дочери он в полной мере осознал, что произошло с его жизнью, что теперь все будет по-другому.

6.

Нужно было срочно решать вопрос с Викой, ставшей для Олега тем человеком, на которого можно было повесить всех собак: не будь Вики, Оксана была бы жива. Так

представлял себе расклад в одночасье ставший вдовцом мужчины, который совсем забыл, что никто его на верёвках в постель молоденькой девчонки не тянул, это был его и только его выбор.

«Вика, у нас всё кончено», — написал он ей СМС, как только закрыл дверь в комнату дочери. Он не решился набрать номер и высказать все напрямую.

Никакого ответа Олег не получил, поэтому очень надеялся, что легко отделался от любовницы: всего несколько написанных слов, и всё — она исчезла для него навсегда..

Заставить себя расположиться на той же кровати, где ушла из жизни жена, он не мог. Поэтому опять пошёл в гостиную. Он не раскладывал диван, не застилал его бельём. Долго лежал и щёлкал пультом от телевизора, бездумно перескакивая с канала на канал, это помогало ему ни о чём не думать. Незаметно заснул под бормотание какой-то мелодрамы.

— Ну что, сынок, как твои дела? — В проёме двери стоял отец в растянутой застиранной футболке и старых спортивных штанах, пузырящихся на коленях.

— Папа? Ты же умер, — удивлённо ответил ему Олег.

— Ну и что с того? Я тут тебе туфли свои принёс, жмут они мне очень. — На этих словах Павел Николаевич протянул сыну чёрные лаковые туфли, на которых бликами играл свет, идущий от включённого телевизора. — Смотри, какие хорошие, новые почти. Я ведь их совсем не носил, только полежал в них немного. А сейчас мы много работаем, в такой обуви неудобно мне, я всё больше в сапогах.

— Где работаете, зачем? — не понял Олег. Ему хотелось спросить совсем другое, но этот вопрос вырвался сам собой.

— Ну как, отрабатываем свои поступки. Их измерили, взвесили, сложили в большой мешок, а потом выдали каждому задание: кому-то попроще, кому-то посложнее; кому-то почище, кому-то погрязнее.

— Батя, ты скажи, что мне делать? Как жить-то дальше? Ты Оксану встретил? — Олег сел на кровати. Хотел подойти к отцу, обнять его, но так и не решился, как будто между ними была натянута тонкая прозрачная плёнка, не дававшая им приблизиться друг к другу, причём не только физически. Олег с трудом понимал, что говорит ему Павел Николаевич.

— Ох, Оксанка твоя! Видел её мельком, в какой-то длиннющей очереди, хотел подойти, так она сделала вид, что не заметила меня. Может, это и к лучшему, нельзя нам с самоубийцами разговаривать, у них свой лагерь. Что делать? А что ты можешь сейчас поделывать? Всё сложится в твой мешок, всё будет обсчитано, взвешено, а там и отработка наступит. Так что готовься, сынок. — Отец передёрнул плечами, держа в каждой руке по новенькой туфле.

— Папа, я хотел тебе сказать... — Олега вдруг начали душить слезы. «Я люблю тебя» — именно эти слова он ни разу не сказал отцу при жизни, и сейчас они просто рвались из него. Но вдруг отец исчез, а в телевизоре, который так и продолжал работать, на синем фоне засветилась красная надпись: «Абонент недоступен».

Олег проснулся, сердце колотилось, в горле стоял комок, неудобно подвёрнутая рука затекла, на губах застыло слово «папа».

Он встал, прошлёпал босыми ногами на кухню, попил воды прямо из-под крана, не доставая чашки. Руки мелко дрожали. Олег взглянул на настенные часы в коридоре: стрелки фосфорически светились на отметке «3.20». «Поспал всего полтора часа», — отметил он про себя.

Зашёл в комнату дочери. Она спала, разметавшись на кровати, одеяло сползло на пол. Он бережно укрыл Танюшу, выключил небольшую настольную лампу и вышел.

«Надо обязательно съездить к маме и дочку с собой взять», — решил он.

Вернувшись на диван, Олег вновь попытался заснуть, но ничего из этого не вышло. Признаться, он боялся, что если закроет глаза, к нему на этот раз придёт Оксана, а этого он никак не хотел и даже не скучал по ней. Все, что осталось от жены, — это чувство вины: противное, тягучее месиво.

Утром Олег проснулся невыспавшимся и разбитым. Нужно было начинать не только новый день, но и новую жизнь. Теперь он должен ежедневно будить дочь в школу, готовить завтрак, следить, чтобы она была аккуратно одета, не забыла взять с собой нужные учебники, тетрадки и прочие мелочи, о которых раньше он даже не задумывался, всё это делала Оксана.

— Пап, я есть не хочу, — отодвинула от себя чашку с чаем и бутерброд с сыром Танюшка.

— Хоть просто попей, — предложил отец.

— Не могу, меня вырвет. Я боюсь, пап, что в школе все будут спрашивать про маму.

— Мама наша была хорошим человеком. Бывает, просто не знаешь, что болен. — Для дочки он продолжал придерживаться версии о том, что Оксана умерла от аневризмы. — Давай я зайду с тобой, поговорю с учительницей, пусть она сама всем ребятам объяснит, что случилось, и они не станут задавать тебе вопросов.

— Не надо, я не хочу. — Несчастливая Танюша сидела, опустив голову над чашкой.

— Как скажешь, доча, — ответил Олег.

— Мама всегда провожала меня до школы, — после некоторой паузы начала Таня. — Теперь я стала взрослая, теперь я сама, как мама, буду тебе готовить и дома убирать, поэтому и в школу пойду сама. Ты меня вообще не провожай.

«Может, она и права, некоторым людям приходится повзрослеть за один день. Такова жизнь», — подумал Олег, и его сердце сжалось от боли: то ли за дочку, то ли из-за утраты жены. Теперь они навсегда будут переплетены для него в единый клубок.

— Договорились, — коротко согласился он.

А потом его закурила повседневная жизнь, приходилось решать текущие вопросы, работать, воспитывать дочь, общаться с людьми. В эту круговерть лишь изредка прорывалась тоска — он пытался отогнать её, прячась за повседневными делами. Жизнь его катилась на автопилоте. Он привык ходить в столовую, которая находилась недалеко от автосервиса. Но в тот день добраться до неё у Олега не получилось, поэтому он заглянул в кафе, которое находилось недалеко от места, где он договаривался о большом заказе: частное предприятие хотело отремонтировать сразу несколько «Газелей».

В небольшом помещении кафе было малоллюдно, Олег выбрал столик у окна, официантка принесла ему меню.

Быстро выбрав, что будет есть, он уставился на улицу и вдруг увидел своего случайного приятеля Кирилла. Тот подходил к крыльцу этого же кафе.

Когда архитектор оказался в зале, Олег энергично замахал ему рукой.

— Привет! — дружелюбно, через весь зал поздоровался Кирилл.

— Здорово! Садись со мной, — пригласил его за столик Олег.

— Не могу. Не поверишь, у меня свидание, — сверкнув глазами, ответил командировочный.

— Ты тут у нас времени не терял: всего две недели, а уже свидание, — пошутил вдовец. — Посиди со мной, пока твоя девушка не пришла. Как тебе наш недостроенный театр? Когда домой собираешься?

— Работы тут у вас много, ещё недели две точно пробуду. А как твои дела? Что-то неважно выглядишь. Помирился с женой? — задал вопрос ни о чем не подозревающий Кирилл.

— К сожалению, нет.

— Решил уйти от неё к этой... как там звали твою?

— Эх, Кирилл, если бы можно было вернуться назад в тот день, когда мы с тобой встретились, я бы поступил совсем иначе. Поехал бы домой и, может быть, сохранил жизнь человеку, — вдруг вырвалось у Олега.

— Что стряслось-то?

— Я ведь в тот день поехал к любовнице, а мог бы к жене. А когда домой вернулся, Оксана ушла сама... навсегда.

— В смысле?

— Умерла. Вот так-то, друг. — Олег покачал головой.

Кирилл ничего не говорил, а лишь бессистемно передвигал на столе солонку, перечницу и салфетницу. Подошла официантка с меню:

— Заказывать будете?

— Я уже заказал, а моему другу вы пока меню так и не дали, — ответил Олег.

— Я за другой столик сяду, ко мне сейчас подойдут, — как-то виноватоотреагировал Кирилл. Он встал, протянул руку:

— Держись. Если будет совсем худо, звони.

Не успел Олег сказать спасибо, как дверь кафе вновь открылась. Оба мужчины обернулись на мелодичный звон колокольчиков, которые были подвешены над входом.

И если у Кирилла лицо расцвело в улыбке, то у Олега оно, наоборот, окаменело:

— Привет, мальчики, — слегка удивлённо проговорила Вика, — вы знакомы?

— Привет, Викуся. — Кирилл подался вперёд. — Это Олег, мы с ним познакомились на стройке.

— А мы знакомы. — Вика вела себя непринуждённо, она присела за столик, где расположился Олег. — Давайте пообедаем все втроём.

Кирилл заметно расстроился, ему хотелось полюбезничать с дамой наедине, но пришлось подчиниться, и он уселся на противоположный стул.

— Ваш суп, — официантка поставила перед Олегом тарелку, а Кириллу и Вике подала меню.

— Мне, пожалуйста, то же самое, что и этому молодому человеку. — Вика заглянула в тарелку к Олегу.

— Вика, успокойся. По-моему, мы обо всём уже поговорили. — Аппетит у Олега пропал. — Кирилл, не хочу портить свидание, я, пожалуй, пойду.

Вдовец встал из-за стола, положил на него несколько купюр, взял с вешалки свою куртку и торопливо вышел.

7.

Чёрная вина и липкая тоска с новой силой охватили Олега, когда он увидел Вику, которую считал виновницей своей беды. Было так невыносимо, что он не заметил, как идёт по улице, схватившись обеими руками за голову. Страдалец торопливо опустил их, только когда приблизился к машине и сел за руль. Олег устался в одну точку, не поворачивал ключа в зажигании. Со стороны казалось, что человек забыл, как завести машину и тронуться с места.

А его мучила всё та же умственная жвачка, которая донимала после смерти жены: почему она так поступила, почему не подумала о ребёнке, что я натворил, как жить дальше?

«Нужно встряхнуться», — который раз засветилась в его голове лампочка. Обычно дальше следовали мысли об алкоголе, которые он гнал усилием воли, боясь, что если раз встанет на эти рельсы, сойти с них уже не сможет. И опять появлялась навязчивая

картинка: он пьяный, тещь и тёща забирают на воспитание дочку, которую не дают ему видеть.

«Таня — вот моё спасение», — в который раз повторял Олег про себя. Что это обозначало на деле, как маленькая девочка может спасти его от депрессии, он не представлял.

Из тёмного забытья вывел сигнал автомобиля, водитель которого пытался припарковаться. В его машине опустилось стекло, и он прокричал:

— Ты выезжаешь? Я встать хотел.

— Выезжаю, — ответил Олег и тронулся с места. Автоматически включилось радио, где бодрый голос произнёс: «В Москве 13.00. С новостями часа вас познакомит Антон Третьяков».

После паузы низкий мужской голос затараторил: «У российских школьников завтра начинаются осенние каникулы, они продлятся семь дней. И к другим новостям...».

Дальше Олег уже не слушал. Ему в очередной раз пришло в голову, что нужно взять Таню и поехать на все семь дней к маме, а потом вдруг подумалось: а что если уехать навсегда? Родной город, старые друзья, новая работа. Отдать Таню в школу, помогать маме, а там посмотрим.

Как только в голове Олега созрел конкретный план, ему вдруг стало легче.

Вечером он предложил Тане:

— Поехали на каникулы к бабушке, покажу тебе остров на реке, куда мы в детстве в походы ходили. Строили там балаган, разводили костёр и варили уху из рыбы, которую сами поймали.

Дочка тут же согласилась и, как взрослая, начала рассуждать:

— Надо сумки собирать. Поедем в магазин, бабушке Оле нужно гостинцев купить. Я загрузу в стиральную машину своё красное платье и джинсы. Тебе что-нибудь постирать? — Дочка стояла перед раскрытыми дверцами шкафа.

«Боже, и этой девочке всего семь лет! Выросла буквально за месяц. Слышала бы её сейчас Оксана», — автоматически подумал Олег, и тут же имя жены вызвало тянущую боль.

— Умница моя, — похвалил он дочку. — Мне пару рубашек, — скорее для порядка сказал Олег.

В дорогу они собрались быстро. В первый же день каникул съездили в магазин, купили гостинцев, собрали сумки. День был солнечный, что было удивительно для начала ноября. За окном машины мелькали все ещё золотые леса, пока не облетевшие под осенними ветрами. Они переमेжались чёрными наделами убранных полей. Играла музыка, и, впервые за долгое время, Таня улыбалась. Казалось, что путешествие растопило лёд, лежавший на её маленьком сердце.

— Папа, а расскажи, как ты в первый класс пошёл, — попросила она, убавив звук радио.

— Моя школа стояла во дворе нашего дома. В первом классе удивился, что ребята, которые вчера гоняли со мной мяч в шортах и майках, вдруг надели белые рубашки и форму. Я даже некоторых не узнал из-за этого. Соседка по площадке в тот год оканчивала школу, мы с ней 1 сентября у лифта встретились, оба с букетами. Она всегда казалась мне простой девочкой, но когда я увидел её в белом фартуке и в школьном платье, она почему-то представилась мне взрослой тётенькой, — усмехнулся Олег.

— А какие девочки в вашем классе были? — Дочка заёрзала на сиденье.

— Обычные, как и все, — пожал плечами отец.

Вопросы дочери навевали воспоминания. В первом классе была одна девочка Лена, в которую Олег был влюблён. На 8 Марта он купил ей шоколадку — личный подарок

вдобавок к тому, что они дарили всем классом каждой девочке — какие-то скучные фартуки и прихватки. Тогда она улыбнулась и звонко засмеялась: «Спасибо! Только я же на танцы хожу, мне сладкое нельзя». Она гибко перегнулась через парту, взяла лакомство, разложила его прямо в фольге на мелкие квадратики и начала раздавать подружкам. Олег тогда страшно обиделся и после этого никаких подарков не делал и даже не разговаривал с ней, лишь издали любовался её длинными ногами, руками, шеей. А потом, после начальной школы, их семья переехала в другой район, и девочку перевели в гимназию.

До родного города добрались за два часа. Мать их ждала. А на столе ждал обед, исходя ароматами и паром: пирог с капустой, фирменные фаршированные перцы. Всё, что любит Олег.

Бабушка Оля с порога обняла внучку, поцеловала её в макушку, потянулась по привычке к замку на куртке, чтобы снять её.

— Бабушка, не надо, я взрослая, я сама, — сказала девочка.

— Конечно, Танюша, — заулыбалась женщина. Было видно, что это лицо уже давно не посещала улыбка, на нём словно застыла маска скорби.

— Как хорошо, что вы приехали, — обратилась она к сыну, мне было так тяжело одной... — Она остановилась, а потом добавила: — Без папы.

Олег молча обнял мать.

— Ой, что это мы всё в коридоре стоим, прошу за стол, — спохватилась она.

В комнате на видном месте в стенке, где раньше стояла только парадная посуда, за стеклом появились две фотографии, которые мать прислонила к чайнику от сервиза. На одной из них был отец в пиджаке и галстук, он не улыбался, на лице застыла маска официального портрета. На другом фото — Оксана, она, напротив, чему-то радостно улыбалась, глядя в объектив. Как они отличались от самих себя в жизни! Павел Николаевич был жизнерадостным человеком, обычно он был готов улыбаться по любому поводу, а улыбка Оксаны была очень редким и потому особенным явлением.

Когда взрослые зашли в комнату, Таня уже стояла перед сервантом и разглядывала их.

— Папа, нам тоже нужно дома мамин портрет повесить, — обратилась она к Олегу.

— Да, конечно, — автоматически отозвался он.

Беседа за столом шла по принципу: главное — не упоминать мёртвых. Поэтому Олег, бабушка Оля и внучка Таня оживлённо обсуждали, чем будут заниматься те пять дней, на которые они приехали в гости. Было решено, что бабушка ходит с Танюшей в «трогательный» зоопарк, а папа сводит её на набережную — то самое место его детских игр.

— Я ещё хочу подружкам сувениры привезти, заглянем в торговый центр, — вспомнила Таня.

— Обязательно, заодно и в кино ходим. Там сейчас какая-то сказка с Анжелиной Джоли идёт, — ответил Олег.

— А, «Малифисента», — уточнила дочка.

— Бабушка Оля, — обратилась она к хозяйке дома, — научи меня оладьи делать. Я буду папе печь, когда домой вернёмся.

— Конечно. — Мать Олега выразительно, сочувственно-умилительно посмотрела на сына. — Завтра у нас с тобой будет кулинарный мастер-класс: я тебя не только оладьи печь научу, а ещё и печенья и пышки.

— Ура! Люблю твои пышки.

— Ну а пока вы будете кашеварить, я загляну к Денису, — поддержал разговор Олег. Денис был его другом детства, они вместе учились в школе.

Дни каникул пролетали быстро, Олегу удалось немного отвлечься от тяжёлых дум, он даже прощупал почву — нельзя ли попытаться открыть в родном городе такой же автосервис, как у него в Кирове. Дочка накормила его оладьями и пышками собственноручного изготовления, и получилось у неё совсем неплохо. Олег улыбался, макая выпечку в сметану и думал: «Как хорошо, что Таня пошла не в мать. Характер у неё лёгкий, общительный, в жизни ей будет гораздо проще».

— Спасибо, дочь, накормила меня от души! — Он вытирал руки о салфетку. — Настала моя очередь угостить тебя. Идём вечером в кино, купим попкорн. Ну а завтра — домой.

— И про сувениры не забудем, а то мои одноклассницы всегда что-то привозят из поездок. — Таня побежала в комнату выбирать наряд на вечер.

— Хорошая у нас девочка растёт, береги её, Олег, — сказала мать, убирая со стола посуду.

В кассе кинотеатра в предпоследний день каникул было много народу. Родители развлекали школьников, — многие стояли целыми семьями. Когда Олег купил билеты и направился за тем, чтобы взять попкорн, его окликнул женский голос:

— Олег? Это ты?

Он обернулся. Из очереди ему улыбалось очень знакомое лицо, но припомнить, кто это, он не мог.

— Не узнаешь? Это я, Лена Богданова, только теперь моя фамилия Зуева. — Как только она заговорила, что-то кольнуло в груди мужчины, и он узнал свою школьную любовь.

— Лена, привет, сколько лет, сколько зим! — радостно ответил он.

Конечно, она больше не была так тонконога, тонкошея, как в школьные годы. Но что-то беззащитное в её облике сохранилось, может быть, профиль или веснушки, которые были видны даже в полумраке фойе. Рядом с Леной стоял мальчик чуть постарше Тани.

— Ну как твои дела, Олег? Говорили, что ты переехал в Киров.

— А я и переехал. У дочки каникулы, вот решил вместе с ней приехать, маму проведать. Завтра назад собираемся.

Лёгкое облачко разочарования набежало на лицо бывшей одноклассницы.

— Мы тоже вот в кино пришли, — она потрепала по голове сына. — Папа обещал сводить, но не смог. Ты же знаешь, как это бывает у разведённых: сначала с три короба наговорит, а в последний момент у него дела появляются, — раздражённо добавила она.

Олегу стало неловко, что Лена так говорит про отца при сыне. И как-то сразу общается о своём разводе.

— А где ваша мама? — спросила женщина.

— Я недавно стал вдовцом. — Олегу в очередной раз пришлось повторить эту фразу за те четыре дня, что он был в родном городе. И, кстати, чем чаще он её повторял, тем легче ему становилось.

Лена сочувственно приподняла брови.

— Эта красавица — твоя дочь? — она указала подбородком на Таню.

— Да. Таня ходит в первый класс. А твоему сыну сколько?

— Уже 10 лет.

Разговаривать дальше было неудобно, они отошли.

— После сеанса увидимся, — Олегу было неловко болтать с Леной при дочке, хотя и приятно. Школьная любовь его вовсе не разочаровала.

Во время кино Олег витал в облаках: что будет, если у него появится женщина? Его все осудят, тещь и тёща проклянут, дочь отвернётся, мать укоризненно скажет: «Зачем привёл в дом мачеху?». А ему было так страшно и тоскливо одному, так тошно

от того, что Оксана поставила жирную точку не только на своей жизни, но и на его спокойном существовании. Теперь всё, что бы он не сделал, будет рассматриваться окружающими под определённым углом: Олегу казалось, что все его вина в случившемся. Неприятно вспомнился допрос в полиции сразу после смерти жены. Поскольку она не оставила никакой записки, сразу же возникло подозрение, что Оксана ушла из жизни недобровольно. Первым под проверку попадают самые близкие, и раньше всех — муж. Его очень пристрастно расспрашивали, где он был в момент её смерти, кто может это подтвердить. Тогда пришлось рассказать про Вику. Смотрели на него холодными, колючими глазами. Он слышал, что расспрашивали и соседей о жизни их семьи, не бил ли он Оксану, часто ли из их квартиры слышались скандалы...

Дочь тоже невнимательно смотрела фильм. Олег чувствовал, что ей неуютно, она хочет что-то спросить и не может.

Когда включился свет, Таня первым делом начала оборачиваться и искать кого-то глазами.

— Ты кого потеряла? — пошутил Олег.

— Никого. Эта твоя одноклассница была в очереди? — спросила дочь.

— Да, сто лет не виделись.

— Та самая Лена?

— Почему та самая? Лена и Лена. Подумаешь, — Олег постарался сделать как можно более равнодушное лицо.

— Зачем нам с ней встречаться после кино? — допрашивала дочь.

— Незачем. Мы и не будем, — успокоил отец.

Тем не менее, на выходе из зала их ждала Лена с сыном.

— Как кино? — спросила она у Олега, словно не замечая ни своего сына, ни Тани.

— Детский фильм, сказка, — ответил Олег.

— Пошли в кафе, посидим? Дети, мороженого хотите? — Лена задала вопрос таким тоном, как будто дети должны были дружным хором ответить ей: «Хотим!». Но ни её сын, ни Таня ничего не сказали. Мальчик завёл глаза к потолку, ну а девочка сжалась и спряталась за спину отца.

— В другой раз, — Олег положил руку на плечо дочери.

— Я найду тебя в «ВКонтакте», там споемся, — сказала Лена слегка разочарованно.

Все это происходило под неодобрительные взгляды детей. Девочка и мальчик смотрели на родителей, каждому из них казалось, что перед ними разворачивается сцена настоящего предательства.

Таня надула губы и всю дорогу до дома ехала молча...

8.

Олегу было трудно управляться с хозяйством, но дочь у него была умной и самостоятельной девочкой. Работа требовала от мужчины внимания, нужно было добывать деньги и следить за домом одновременно. Спустя полгода такого марафона он выдохся. О том, чтобы завести новый любовный роман, и мыслей не возникало: Вика отпала сама собой, Лена написала ему в соцсети, но он не стал ей отвечать. Олег чувствовал ответственность перед Таней. Переносить груз бытовых проблем и воспитания дочери на тестя с тещей он из принципа не хотел, хотя те искренне пытались ему помочь: звали Таню на выходные в гости с ночёвкой, и теща передавала с ней кастрюли с домашней снэдью.

Близился конец учебного года. На дворе стоял апрель. Вместе с весной в маленький семейный мирок Олега и Тани стало проникать тепло, страшные зимние вечера с тоской по матери и чувством вины перед женой стали отступать.

— Меня на выходные баба Аня к себе зовёт, они с дедом на дачу собираются, будем дом убирать, — сказала как-то вечером в четверг Таня.

— Бабушка мне пока не звонила, не предупреждала. Но если хочешь, конечно, поезжай, — Олег стоял на кухне в фартуке. Он поставил кастрюлю с водой, чтобы сварить магазинныхпельменей.

— Хочу, к ним в гости тётя Полина собирается, она такая классная! — девочка улыбнулась.

Полина была младшей двоюродной сестрой Оксаны. Таня её очень любила. Смешливая, жизнерадостная тётя Полина с Танюшкой вела себя, как ровесница, они вместе могли часами перебирать какие-то безделушки, клеить самодельные открытки к Новому году, драться подушками и смотреть целый день фильмы в неубранной постели, что категорически запрещала делать Оксана.

— Полина — это хорошо. Что-то она давно не навещалась в Киров, — проговорил Олег, закидывая пельмени в бурлящую воду.

— Здорово, что она приехала! Мы на даче будем с ней укроп и петрушку сажать, баба Аня сказала, — щебетала Танюшка.

— Это вам будет весело, а бабе Ане с вами будет не до смеха, — улынулся в ответ Олег.

— А потом деда баню затопит. С Полиной классно, я её венником отстегаю, она у меня попляшет, — радостно сообщила дочка.

Двоюродная сестра Оксаны была дочкой брата Анны Игнатьевны. Она отправилась жить и работать в Питер, как делают нынче многие — едут в северную столицу за новыми впечатлениями, хорошими заработками и карьерой. Ей удалось устроиться в туристическую фирму, она действительно неплохо зарабатывала, но много приходилось отдавать за съёмную квартиру. Домой, в родной Киров, Полина не собиралась, ей хотелось осесть в Санкт-Петербурге, но в отпуск она с удовольствием приезжала. После «культурной столицы нашей родины», ей хотелось простых радостей — бани, болтовни с родными, дачных посиделок. Тридцатилетняя Полина уставала от того, что ей приходилось на работе держать марку, быть в курсе всех событий Питера, уметь порассуждать о музеях, театрах и выставках с туристами со всех уголков России и из-за рубежа. А дома, в Кирове, можно было целый день ходить в тренировочных штанах и футболке, говорить о способах выращивания рассады и совсем не загружать мозги.

На следующий день Олег позвонил тёще и предложил отвезти всю компанию на дачу в субботу:

— Вас там много собирается, мне Танюша сказала, что Полина приезжает. В одну машину все не влезут, я отвезу.

— Да, Олег, было бы здорово. Мы к тебе посадим Таню, Полину и сгрузим рассаду. Сумок тоже много, а у тебя багажник большой. А сам-то что, не останешься? Мы баньку топить будем, — пригласила тёща.

— Работы как всегда много, Анна Игнатьевна. Но я постараюсь. Вы же до воскресенья там останетесь?

— Да, мы для тебя ещё раз затопить можем, — звала она.

На следующий день в 8 утра Олег вместе с Таней был уже у тестя и тёщи. Дверь им открыла Полина. Они не виделись очень давно, с момента похорон Оксаны.

— О, зятёк! — громко поприветствовала она. — Выглядишь, скажу я тебе, не очень. Похудел, — не миндальничая, выдала Полина.

— А ты, как всегда, на высоте, только расчёсываться не забывай, — полушутливо ответил Олег. В семье ходили легенды о том, что шевелюра Полины с мелкими кудряшками не поддаётся укрощению даже железной расчёски.

— О, не беспокойся, я решила стричься коротко. В Питере сейчас все под мальчи-ков стригутся, — Полина задорно мотнула хвостом, который был больше похож на кудрявую пальму.

— Танюшка, привет, красавица! А вот ты у нас молодец — вытянулась! — Полина присела и раскинула руки, чтобы обнять племянницу.

— Полина, привет! — Таня выскочила из-за Олега и кинулась в объятия тётки.

Полина и Таня крепко обнялись. Молодая женщина глянула поверх головы де-вочки на Олега.

«Смотришь, как я справляюсь без жены? Нормально справляюсь», — подумал Олег, уловив её взгляд. За то время, что он был вдовцом, пришлось привыкнуть к таким испытующим взглядам женщин. Иногда ему казалось, что некоторые из них не прочь его «спасти» от одиночества, уж больно настойчиво они намекали на свои способности домохозяек.

«Что колючий-то такой? Никто тебя трогать не собирается», — думала при этом Полина. Когда в семье произошло несчастье с двоюродной сестрой, Полина всё время пыталась понять, почему Оксана ушла из жизни. «Неужели он довёл?» — приходила к ней мысль.

— Полина, пошли к бабе Ане, — тянула тётю из коридора в комнату Танюша. На-встречу гостям уже спешила хозяйка — Анна Игнатъевна.

— Олег, проходи, не стой в коридоре. Есть будешь? Пока собираемся, успеешь перекусить, — спустя полгода после смерти дочери тёща потихоньку начала отходить. Она перестала винить во всём Олега. Правда, для этого пришлось посещать психиатра, но об этом знал только её муж.

— Нет, спасибо, Анна Игнатъевна. Уж лучше помогу Ивану Геннадьевичу сумки выносить, — в коридоре появился тесть, который нёс ящики с рассадой.

— Здорово, Олег! — он неловко протянул ему руку для пожатия, чудом удерживая ящик.

Олег ответил на рукопожатие и помог тестю удержать неудобный груз.

Полина и Таня ушли помогать Анне Игнатъевне собирать подушки и одеяла, ко-торые в начале сезона завозились на дачу, а в конце их забирали обратно в городскую квартиру.

Эта весенняя дачная суэта, приподнятое настроение домочадцев было первым симптомом того, что семейство потихоньку начало выбираться из кризиса. Особенно всех радовала Таня, ну а приезд Полины окончательно вывел девочку из тягостного состояния.

Бабушка, дедушка и отец с улыбкой переглядывались, когда замечали, как горят глаза у девочки, как она с удовольствием собирается на дачу и смеётся любой шутке, сказанной Полиной.

Наконец все высыпали на улицу и начали укладывать сумки в две машины — Олега и Ивана Геннадьевича.

9.

Вернувшись в город, Олег попытался работать: заехал в автосервис, зашёл в свой офис, достал документы, накладные, счета, гроссбухи, в которые записывал доходы-расходы. Обычно эта бумажная канитель полностью отключала его и от внешнего мира, и от внутренних тревог. Но сегодня то ли весна брала над ним верх, то ли всеоб-щее приподнятое настроение не давало сосредоточиться: он не мог полноценно заста-вить себя заниматься делом. Боясь признаться самому себе, он всё время вспоминал Полину. «Наваждение какое-то», — гнал он неудобные мысли. Но к концу субботы уже

твёрдо знал, что поедет на дачу в воскресенье прямо с утра. «А чего плохого? С тестем в баню схожу, помогу с огородом, надо физически тоже нагружаться, в спортзал-то времени ходить нет». Как будто этими думами пытался отгородиться от возникшего чувства, что Полина понравилась ему как женщина...

Таня и Полина встретили его у дачной калитки. Они заметили машину сразу, как только она свернула на их улицу. Обе стояли, прислонившись к забору, на их лицах и волосах играло весеннее солнце, почему-то у них были одинаковые фиолетовые кофты с толстыми воротниками, обе держали в зубах по травинке. Женщина и девочка с улыбкой смотрели, как приближается машина, а потом с визгом начали отгонять от калитки соседнего пса, который так и норовил кинуться под колёса. От этой картины веяло счастьем. Впервые за полгода от сердца Олега как будто оторвалась пиявка, отравлявшая его тягучей тоской.

Тесть открыл ему ворота, чтобы можно было загнать машину на участок. Мужчины начали ходить по огороду: хозяин важно показывал свои владения:

— Грядки в этом году решил поменять. Где раньше картошка росла, посажу кабачки. Аня вон решила ещё одно место под клубнику определить. Больно уж Танюшка любит ягоду. А тут ещё и крышу пора чинить.

Олег согласно кивал головой, делал вид, что ему очень интересна судьба кабачков и картошки, но при этом краем глаза отслеживал, где сейчас Полина и его дочь. Понять, что они в домике, можно было по звону посуды. Анна Игнатьевна попросила их перемыть и протереть всё, что осталось с осени в кухонных шкафах.

Приглушённо слышался радостный голосок Танюшки:

— Смотри, конфета с прошлого года! М-м, вкусная!

— Таня, зачем ты взяла её в рот? А вдруг мыши! Ты же можешь заболеть мышинной лихорадкой! Лучше возьми конфету из пакета, что мы сегодня из города привезли, — после смерти дочери тёща была очень мнительна. Она стала панически бояться всего, что может нанести хоть малейший вред внучке. Иногда девочка начинала тяготиться такой опекой, капризничала. Вот и сейчас она громко ответила:

— Ну и пусть! Какая лихорадка! Баба Аня, я не хочу конфету из города, они невкусные! Самые классные зимние — они тут жили без нас под снегом и ждали, когда мы приедем.

В разговор, видимо, вмешалась Полина, потому что все втроём чему-то засмеялись.

— Ишь ты, даже Анята засмеялась, — тесть одобрительно покачал головой. — Весна пришла, растопит лёд, — добавил он.

— Полина-то надолго приехала? — поинтересовался Олег.

— Говорит, на неделю, — тесть глянул на окна дома, где опять послышался смех.

— Тане с ней хорошо, ребёнок просто расцвёл. — Олег ударил себя по коленке сухой веточкой, которую всё время мял в руках.

— Это да, Полина ей как лекарство. Пошли, я ещё тебе покажу, какой чеснок у меня с осени взошёл, — и тесть пошлёпал в больших резиновых калошах на другой конец участка.

Потом они протопили баню. В самый горячий пар пошли мужики, а после них в парилку отправились женщины.

Пока они нахлёстывали друг друга вениками, Иван Геннадьевич и Олег сидели за столом. Решили выпить по кружке холодного пива. Было хорошо, спокойно, словно жар выгнал из тела зимнюю тяжесть.

— Знаешь, хотел тебе сказать: всё, что случилось с Оксаной... — Тесть замолчал. Впервые за полгода он начал этот разговор и опять не находил слов.

Олег напрягся, но виду не подал, а лишь взял кружку и сделал большой глоток.

— В общем, нас всех застало горе. Но никто не должен брать вину на себя. Это был её выбор — вот что я хотел тебе сказать. Никто не виноват..., — тесть выдохнул.

— Спасибо, Иван Геннадьевич, — после паузы ответил Олег. — Спасибо, что зла не держите. Иначе всё покатилося бы к черту.

— Давай ещё выпьем, — предложил тесть, и мужчины подняли кружки.

Когда распаренные Таня, Полина и Анна Игнатьевна вышли из бани, они увидели, как Олег и Иван Геннадьевич расставляют на столе чашки.

— Мы вам чай вскипятим, наслаждайтесь, — хозяин дачи широким жестом пригласил дам к столу, на котором уже стояли вазочки с вареньем и мёдом, порезанный батон, масло, печенье, конфеты.

— Как у вас на даче хорошо, дядя Ваня, просто рай. Я так давно не пила чая с травами. Да и батон, если честно, не ела уже год — слезу за фигурой. Но в такой компании, да в такой день можно дать себе поблажку. — Полина с удовольствием намазывала на булку масло, при этом на её голове качалось лихо закрученное полотенце.

— Пап, а знаешь, как массаж веником делать? Меня Полина научила, я теперь тоже умею, — гордо провозгласила Таня.

— Ты у нас вообще всё умеешь, скоро замуж пора будет отдавать, — пошутил Иван Геннадьевич.

— Меня рано замуж, а вот Полину отдайте, — искренне ответила внучка. — У неё жениха нет, а она самая красивая.

— Таня, ну что ты! — Анна Игнатьевна смущённо посмотрела на Полину, ей показалось, что девочка повела себя бестактно.

— Да ладно, тётя Аня, всё правильно она говорит, — ничуть не расстроившись, засмеялась Полина.

— Правда, что ли, что нет претендентов на руку и сердце? — поддержал разговор Иван Геннадьевич.

— Есть, но мелкотравчатые, за таких я точно не пойду, — ответила племянница.

— А за какого пойдёшь? — полюбопытствовала Таня.

— Ну, чтобы не зануда, и чтобы добрым был, — подумав, ответила Полина. — Я же пока встречала тех, кто слишком много печётся о своей персоне, а люди вокруг не волнуют.

— У нас в школе есть мальчик, он за всеми собаками во дворе ухаживает, а мама ему дома щенка заводить не разрешает. Так он одну собаку, которую из дома выгнали, потихоньку домой приводил и откармливал, пока его мама на работе была, — вставила Таня.

— Очень добрый мальчик, — поддержала Полина, — только замуж во втором классе-то не торопись.

Вся эта пустая дачная болтовня как-то странно действовала на Олега. Он вдруг начал пугаться собственных мыслей, которые шептали: «Таня любит Полину. Я добрый мужчина. Тане нужна мать. Полине не нужны чужие дети и вдовец, который старше её на десять лет».

10.

Воскресенье подходило к концу. Когда Олег развёз всех по домам, солнце уже пряталось за горизонт, с Таней они были дома только вечером.

— Папа! — Дочка повернулась к нему вместе с телефоном, который светился у неё в руках. — Смотри, какую Полина мне смешную картинку прислала.

— Я смотрю, вы подружились, даже телефонами обменялись.

— Ага, она сказала, что я могу писать и звонить, когда захочу. Ты же мне с русским языком не очень помогаешь, а она — может. — Таня опять уткнулась в телефон.

— Давай-ка спать будем укладываться, завтра мне на работу, а тебе в школу. Сегодня мы умаялись.

В их маленьком семействе было заведено так, что на ночь Таня не забирала телефон с собой в комнату. Он лежал на комоде в коридоре.

— Прощайся, выключай и иди стели постель, — напомнил отец.

Таня скорчила недовольную рожицу, но всё-таки положила трубку на комод и отправилась к себе, но прежде задержалась у зеркала, несколько раз провела по волосам расчёской и задумчиво спросила:

— Папа, а я красивая?

— Конечно, ты самая красивая девочка на свете!

— Как мама?

— Ещё лучше, — ответил Олег, помолчав.

— Я хочу быть, как мама, красивая и добрая, и, как Полина, весёлая и смелая, — все ещё глядя в зеркало, продолжала девочка.

— Ты сможешь быть такой, какой захочешь сама. Если тебе будет трудно или страшно — не молчи, приходи к нам: ко мне, к бабушкам, к деду Ивану, мы обязательно тебе поможем, не держи в себе обиду или боль. Это очень вредно. — Олегу казалось, что сейчас он говорит с дочерью, но на самом деле, он пытался вступить в разговор со своей умершей женой, вразумить её.

— И Полина тоже поможет? — Глаза ребёнка сверкнули в зеркале.

— И она, конечно, тоже.

— На даче, когда баба Аня вышла из парилки, я рассказала Полине, как умерла мама. Я ведь даже тебе не говорила, как увидела, что она лежит на кровати. Думала, что мама спит, она была такая красивая. — Таня продолжала автоматически водить по волосам расчёской. — Там таблеток много было. А потом я совсем ничего не запомнила, ну ничегошеньки. Я маму теперь только по фотографии помню, где она улыбается, а какая она потом была — совсем забыла. Это плохо?

— Это нормально. Ты помнишь её живой и здоровой, а не больной. Пусть так будет всегда.

Этот разговор был для Олега очень тяжёлым. Каждое слово поддержки, которое он говорил своему ребёнку, давалось с трудом. Он не мог не думать о том, что девочке рядом нужна женщина, они лучше понимают друг друга.

Когда Таня наконец улеглась у себя в комнате и затихла, Олег ещё долго не мог заснуть, его, как магнитом, тянуло к телефону дочери, в котором был контакт Полины. «Ну что я ей скажу, что напишу? Она молодая, красивая, я вдовец. Глупо всё это, очень глупо», — останавливал он себя. В таких душевных метаниях он и заснул прямо в спортивных штанах и в футболке, сидя в кресле, под бормотание телевизора.

— Что, сынок, опять телевизор не выключил? — в дверях стоял отец.

— Папа, ну как ты? — подался к нему Олег.

— Я-то нормально, а вот ты, смотрю, совсем запутался.

— Что мне делать?

— Ты меня всё время об этом пытаешь. Ну как я тебе скажу, что делать? Это ты сам решаешь, только Тане нашей женская поддержка нужна, у неё ведь жизнь только начинается, — ответил отец.

— Папа, не уходи, посиди ещё со мной, я так скупаю. — Олег пытался рассмотреть лицо отца, но оно словно расплывалось.

Отец только одобрительно улыбался, но больше ничего не говорил. Потом поднял палец и указал куда-то в сторону.

— Я тебе кое-что оставил, — как сквозь вату проговорил он.

Олег проснулся как от толчка: «Нужно перебираться в спальню. Вот так засыпаше в кресле, а потом снятся странные сны». Он испуганно пытался унять противный озноб и избавиться от навяздения. Было действительно страшно заметить какой-то посторонний предмет, который якобы мог передать отец прямиком из сна.

«Папа, мне страшно», — услышал Олег тоненький голосок из детской.

— Что такое? — Он заглянул в комнату к дочке.

— Мне дедушка Паша приснился, — прошептала Таня.

— Это ты на даче набегалась, вот и снится всякое.

— Он сказал, что мама мне привет передаёт. Принеси мне попить, — попросила девочка.

— Сейчас. — Олег поплёлся на кухню, включил свет, автоматически протянул руку к стакану на полке, а потом отёрнул её.

Между стаканами в сушилке стояла чашка Оксаны — синяя со смешной белой мышью на боку. «Как она здесь оказалась? Я же её убирал». — Олег понимал, что чашку могла поставить Таня и в этом обстоятельстве нет ничего невероятного, но сон, но отец..

«Оксана, ну почему ты меня не отпускаешь! Отпусти меня, я так больше не могу!» — взмолился он неизвестно зачем, как будто ему требовалось разрешение жены на то, чтобы жить дальше. Он резко схватил чашку и кинул её об пол. То ли керамика была крепкая, то ли линолеум смягчил удар, но чашка не разбилась.

«Ну и ладно! Что ты, что твоя посуда — несговорчивые и упрямые! Я больше не могу жить так, как будто всё время оправдываюсь! Не будет больше такого!»

Олег решительно налил воды в стакан, отнёс его Тане, подождал, когда она напьётся, и вышел из комнаты.

«Хватит!» — скомандовал он себе, взял телефон дочери, разблокировал его и нашёл телефон Полины. «Завтра утром обязательно позвоню», — решил он.

Именно так он и сделал.

— Привет, Полина, как дела? — нарочито беззаботным тоном поинтересовался Олег, когда набрал номер девушки.

— Привет, а кто это? — не узнала она его сразу.

— Я Олег, долго, видать, мне жить на этом свете, раз не узнаёшь, — пошутил он.

— Ах, Олег! Нормально дела, как там Таня?

— В школе уже. Целое утро мне про тебя щебетала, тётя Полина то, тётя Полина сё. Вот я и решил позвонить, узнать, как там тётя Полина поживает. Ты когда в Питер возвращаться собираешься?

— Думаю, на следующей неделе. А что?

— Хотел предложить тебе погулять, кофе попить, в кино сходить. Если можно, то без Тани, на взрослый триллер, — выпалил Олег заранее заготовленную фразу.

На том конце долю секунды стояла тишина.

— М-м-м, ну что ж, давай. — Полина не стала ломаться.

— Я за тобой заеду, в какое время удобно? — с готовностью отозвался Олег.

— Домой не нужно, мне перед родителями неудобно. Давай у кинотеатра встретимся, — предложила девушка.

«Как с ней свободно, просто. Давно я не встречал таких», — подумал он, а в трубку ответил:

— Да, конечно, встретимся там. В шесть вечера сможешь?

— Да, смогу. До встречи, — легко согласилась она.

Он чуть не ответил ей: «Пока, целую», но вовремя удержался и с улыбкой произнёс — «пока».

Олегу стоило больших усилий сосредоточиться на работе и дождаться вечера.

Он пришёл первым, сел на скамейку у входа в торговый центр, где располагался кинотеатр, достал телефон и попытался, как и все, углубиться в интернет. Но волнение мешало ему оставаться таким же равнодушным, как толпа вокруг. Поэтому Олег тут же встал и решил поразмяться, заглянул в цветочную лавку на входе и пока покупал букет, с беспокойством глядел через стеклянные стены магазина, боясь пропустить Полину.

С белыми розами в руке, тщательно выбритый, в начищенных ботинках, он чувствовал себя не в своей тарелке, хотелось забиться куда-нибудь в угол, и только страх пропустить Полину мешал ему скрыться.

Он так долго оглядывался по сторонам, что всё же пропустил девушку. Она подошла к нему совсем с другой стороны.

— Привет, давно стоишь? — беззаботно спросила Полина.

От неожиданности у Олега пересохло во рту, но нужно было в ответ оставаться беззаботным и весёлым, поэтому он, с трудом проглотив слюну, ответил:

— Привет! Прекрасной девушке — красивые цветы, — и протянул ей букет.

— А, оказывается, у нас сегодня самое настоящее романтическое свидание. — Она спрятала лицо в цветах, пытаясь их понюхать. — Давно за мной никто так не ухаживал, забыла, когда мне в последний раз розы дарили.

«Слава богу, кажется, угодил», — мелькнуло в голове у мужчины.

11.

Свидание шло как нельзя лучше. Они посмотрели фильм, а потом зашли в кафе попить кофе и поесть пирожных. Начали обсуждать кино и выяснили, что им нравятся и не нравятся одни и те же фильмы. Полина то и дело кидала взгляд на букет, который официант поставил в вазу у них на столе.

— Какие нежные у роз лепестки. — Она то и дело трогала цветы. — Жалко, что эти современные розы совсем не пахнут.

— Зато стоят долго, — ответил Олег, а после паузы добавил: — До твоего возвращения в Питер как раз хватит.

— Да, мне уже звонили, ждут. Говорят, что работы очень много, — беззаботно проговорила Полина.

— Когда в следующий раз в гости приедешь? Теперь я не хочу пропускать твои визиты. С тобой весело и легко, — с улыбкой сделал комплимент Олег.

— Как отпустят. У меня ещё неделя отпуска есть летом.

— Ты обязательно мне позвони, как приедешь.

Сначала они сели друг напротив друга, а потом, когда начали обсуждать, кто куда ездил в прошлый отпуск, и показывать фотографии на телефоне, сели рядом. У Олега просто горело плечо, которым он то и дело задевал Полину. А когда она наклонялась, чтобы получше рассмотреть снимок, её непослушные кудряшки щекотали его щёки. Было очень приятно. В какой-то момент Олег понял, что и она неслучайно так низко наклоняется к фото, ей тоже хотелось до него как бы случайно дотронуться.

— Как ты классно получилась на этой фотке! — Олег задержал и увеличил снимок, где Полина была снята на фоне темно-синего моря, похожего на месторождение сапфиров. На девушке был только купальник.

Время летело незаметно. Они уже выпили кофе и заказали ещё, расходиться не хотелось. Спустя пару часов всё же вышли на улицу.

— Давай покатаемся по вечернему городу, заедем на набережную, — предложил Олег.

— Давай, давно я на Вятке не была, — призналась Полина.

Потом они колесили по Кирову: то тихо гуляли по набережной, то ели мороженое на Спасской, то неслись в потоке машин по улице Ленина.

Часов в девять вечера позвонила Танюша:

— Пап, ты где?

— Да тут тётя Полина попросила ей помочь, — неизвестно зачем соврал Олег.

— А, тётя Полина! Тогда привет ей передавай, можешь не торопиться. Можно я в компьютер поиграю? — В голосе Тани, которая после смерти матери очень насторожённо относилась к любой женщине, даже случайно попавшей в поле зрения отца, сейчас звучало одобрение.

— Приду попозже, как тут с делами управимся. Конечно, поиграй, — разрешил Олег.

За час до полуночи Полина вспомнила;

— Слушай, Таня там, наверное, испереживалась, нам надо уже по домам расходиться, — и пристально посмотрела в полумраке машины на профиль Олега.

— Может, мы завтра опять покатаемся? — вместо ответа спросил он. — А потом уже утвердительно добавил: — Я заеду за тобой в шесть вечера.

— Договорились, — очень легко согласилась Полина. — А сейчас отвези меня домой.

Когда Олег остановил машину около подъезда девушки, заглушил мотор и снял руку с коробки передач, он взял её тёплую ладонь в свою. Полминуты они сидели молча, д

— Мне пора, — тихо сказала Полина.

— Да, конечно. — Он отпустил её руку, а потом легонько приобнял за плечи и притянул к себе. Полина не сопротивлялась, когда Олег нежно поцеловал её в губы.

— До завтра, — наконец высвободилась она, открыла дверцу и вышла из машины. Уже на крыльце подъезда она махнула ему рукой и скрылась за дверью.

Олег вернулся домой. Ещё никогда он не чувствовал того, что сейчас творилось в его душе. Когда он женился на Оксане, им в большей степени руководил рас-судок, чувство ответственности. Сейчас же он ощущал то, что принято называть влюблённостью.

— Ой, пап, ты так долго был. Я без тебя спать не ложилась, а ждать уже устала, — встретила его дочка.

— Пойдём, я тебя уложу, — сказал отец.

— Как там тётя Полина? — забираясь в кровать и зевая, спросила Таня. — Чем ты там ей помогал?

Олег не знал, что ответить. Он не придумал оправдания своему ночному свиданию. Поэтому, помолчав, ответил:

— Если честно, то не я ей помогал, а она мне. — Мужчина замолчал на несколько минут.

— Па-а-ап, ну не молчи, а то я сейчас уже засну. Чего она там тебе помогала? — наивно поинтересовалась девочка.

— Помогала вспомнить, что я живой человек, — ответил отец. — Давай-ка спи, завтра в школу.

Он встал, поправил одеяло, потушил свет. С некоторых пор Таня начала спать без ночника.

На следующий вечер он забрал Полину от подъезда. Они опять кружили по городу, а потом Олег предложил:

— Пошли ко мне. Таня дома одна, уже восемь, она будет волноваться.

— Я и сама жду, когда позовёшь. Таня и мне родная.

Таня бросилась на шею Полине, когда та появилась в доме.

— Привет! — радостно крикнул ребёнок.

— Ух ты, какая тяжёлая! — улыбнулась молодая женщина — Таня повисла у неё на шее, оторвав ноги от пола.

А потом в доме началась радостная суета. Таня, как настоящая хозяйка, засуетилась, побежала на кухню ставить чайник.

— Вы сидите в комнате, а я вам по рецепту бабушки Оли оладьи испеку, она меня научила. — Девочка уже надевала фартук и тянулась за мукой.

— Может, вместе испечём? — предложила Полина. — А папа рядом посидит, посмотрит на нас...

— Ура! Папа, смотри на нас! — Таня схватила Полину за обе руки и закружила её.

— Осторожней, а то посуду уроните, — засмеялся отец.

А потом они пили чай, Полина проверяла домашнее задание по русскому языку, которое ей принесла Таня, заплетала и расплетала ей косы: девчонки решили сделать какие-то хитроумные причёски, которые они увидели в интернете. Вечер пролетел как один миг.

Провожая Полину, Таня в коридоре обхватила её руками и прошептала ей в волосы:

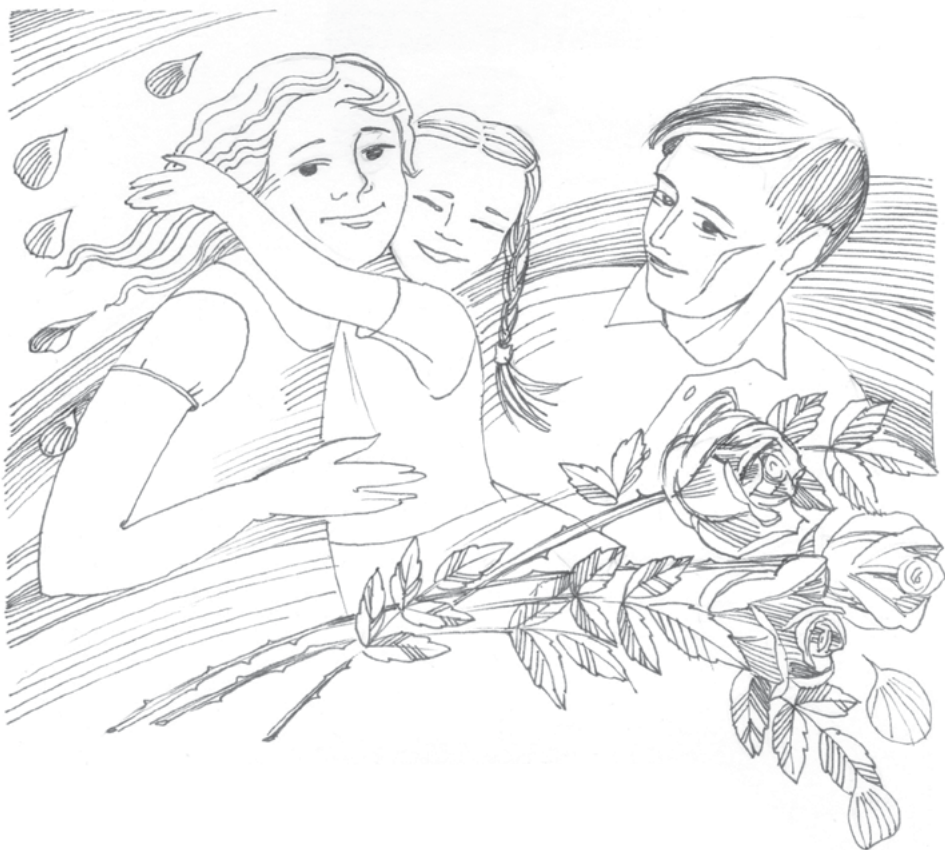
— Приходи к нам ещё, не уезжай в свой Питер, мне будет грустно без тебя.

— Ну что ты, малыш, мне же нужно работать, — ответила гостья. — Давай будем созваниваться каждый вечер, а через два месяца, когда наступит лето, я опять приеду.

— Я буду тебя очень ждать, — уже громко сказала девочка.

— Я тоже буду тебя очень ждать, — многозначительно поддержал дочку Олег.

— Какой у меня в этом году прекрасный отпуск! Такой весны у меня не было никогда, — призналась Полина.



До отъезда оставалось ещё три дня. И не было ни одного из них, в который бы они не виделись с Олегом. Накануне отъезда, днём, они вновь встретились.

— Поехали, отвезу тебя в самое красивое место на земле, чтобы ты каждый день вспоминала о нём в Питере, — предложил Олег.

— Интригуешь, молодой человек, — засмеялась Полина. — Решил меня в тёмный лес затащить и оставить на съедение волкам?

— Я волкам такого лакомства не оставлю, съем всё сам, делиться ни с кем не собираюсь. Поехали!

Через час они были в сосновом лесу, который окружал небольшое озеро. По его берегам стояли небольшие, но крепкие деревянные дома.

— Вот этот наш, — указал Олег на тот, ступени которого почти касались воды.

— Действительно, настоящая красота! А дышится как легко, я и правда буду вспоминать этот воздух в Питере. — Полина закрыла глаза и усиленно дышала.

— Какая ты красивая! — не сдержался Олег.

Она медленно повернулась к нему и тихо сказала:

— Ну, веди меня, Иван Сусанин, в свой дремучий лес, — и протянула ему руку.

Мужчина и женщина зашли в дом. Они появились на пороге, когда начало смеркаться. Пара села на ступеньки, Полина положила голову на плечо Олега. Они молчали и смотрели на гладь озера. Был слышен щебет птиц.

— Я никуда не хочу уезжать, — тихо сказала девушка.

— Оставайся, нам будет хорошо вместе. Я всё для тебя сделаю, — ответил ей Олег.

— Не могу, меня ждут, — вздохнула она.

— Я тоже буду тебя ждать, — признался он.

Пара тихо встала и, держась за руки, направилась к машине.

Они ещё не знали, какая их ждёт судьба. Летом, когда Полина приехала на неделю в родной город, она сообщила Олегу, что ждёт ребёнка.

— Пора тебе возвращаться, — с уверенной улыбкой ответил Олег. — Будем строить дом и растить наших детей.

